

К. С. МОСКАЛЕНКО

**Заместитель министра обороны СССР,
Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза,
Герой Чехословацкой Социалистической Республики**

В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ И ПОЛЬШИ *

Заканчивался 1944 год. Уже более 1200 дней советский народ сражался против фашистской агрессии, показывая всему миру пример изумительного героизма и самоотверженности. Особое место в эпосе Великой Отечественной войны занял 1944 год — год решающих побед Советской Армии, когда десятью сокрушительными ударами были разгромлены основные группировки вражеских войск. Захватчики были вышвырнуты с родной земли, военные действия перенесены за ее пределы. Гитлеровцы были изгнаны нашими войсками из Румынии, Болгарии, значительной части Венгрии, Чехословакии, Польши и Северной Норвегии. Советские воины во взаимодействии с Народно-Освободительной армией Югославии освободили восточные районы этой страны, в том числе ее столицу Белград. Наконец, действия Советской Армии способствовали народным армиям Албании и Греции в очищении их государств от оккупантов.

Фашистская Германия к концу 1944 г. переживала глубокий политический, военный и экономический кризис. Значительно сократился военно-промышленный потенциал Германии. Она лишилась румынской нефти, сырьевых и продовольственных ресурсов Болгарии и Югославии, военной промышленности Франции, Бельгии и Люксембурга. Сокращалось производство на подвергавшихся бомбардировкам немецких заводах. Обострилась проблема жидкого топлива. Выплавка стали перестала удовлетворять нужды производства вооружения и военных материалов. Падение добычи угля дезорганизовало работу транспорта. Ухудшилось снабжение продовольствием войск и населения.

Огромные потери личного состава немецко-фашистских войск на советско-германском фронте потребовали «тотальных» мобилизаций, но и они не покрывали потерь, понесенных на фронте. Зато еще больше сократилось число квалифицированных рабочих и увеличилось затруднения в экономике, сельском хозяйстве и на транспорте.

Однако нацистская клика продолжала оказывать яростное сопротивление наступлению Советской Армии и армиям наших союзников. Антифашистской коалиции предстояло окончательно разгромить гитлеровскую Германию и помочь народам Европы в восстановлении свободы и независимости их государств. Решающая роль в этом принадлежала Советским Вооруженным Силам. Перед ними стояла задача огромной исторической важности. Вот как она была сформулирована в приказе Верховного Главнокомандующего: «Довершить дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы».

Ставка Верховного Главнокомандования разработала планы завершения разгрома противника. Было намечено нанести удар на всем фронте от Балтийского моря до Дуная силами 1-го, 2-го, 3-го Белорусских, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов.

* Начало см. в № 1 нашего журнала за 1972 г.

4-му Украинскому фронту Ставка 30 ноября 1944 г. приказала:

«1. Левым крылом и центром фронта продолжать наступление с задачей не позднее 12—15 декабря 1944 г. овладеть рубежом Зборов, Бардева, Прешов, Кошице. В дальнейшем развивать наступление на Новы-Тарг и частью сил левого крыла фронта на Поппрад.

2. 38-ю армию подготовить к наступлению с целью, во взаимодействии с левым крылом 1-го Украинского фронта, не позднее начала января 1945 г. овладеть г. Краков.

3. Свои соображения по выполнению настоящей директивы с планированием действий по срокам и рубежам представить не позже 3 декабря 1944 г.»¹.

Из этой директивы видно, что 4-й Украинский фронт должен был силами 1-й гвардейской и 18-й армий наступать в глубь Карпат, где его действия были тесно связаны с наступлением войск 2-го Украинского фронта на территории Венгрии, и одновременно готовить другую наступательную операцию силами 38-й армии — на краковском направлении. Надо сказать, что наш фронт, действуя в полосе между берлинским и венским направлениями, в то время не имел ярко выраженного самостоятельного операционного направления. Находившиеся перед фронтом Карпаты в условиях зимы представляли трудноодолимое препятствие, и поэтому Ставка поручала ему обеспечивать действия то 2-го, то 1-го Украинских фронтов, то севернее, то южнее Карпат. Так было в середине ноября 1944 г. еще до перехода нашей армии в состав 4-го Украинского фронта. Не изменилось положение в декабре, а также и в начале 1945 г.

По плану фронта предусматривалось наступление 38-й армии на втором этапе операции. Мы должны были шестью дивизиями прорвать оборону противника и нанести удар в направлении Кракова, который и являлся конечной целью операции. Глубина операции 150 км. Темп наступления намечался 7—8 км в сутки. Это было мало, даже с учетом пересеченной местности предгорий Карпат, зимнего времени и короткого дня. Взвесив все имевшиеся возможности, Военный совет армии предложил увеличить темпы наступления.

Наша армия готовилась к прорыву обороны противника в районе Красно — Ясло — Горлица. Полоса предстоявшего наступления проходила по северным отрогам Карпат. Высота их на правом фланге и в центре не превышала 200—300 м, а на левом иногда достигала 400—500 м. Местность большей частью была покрыта лесом и изрезана множеством рек с тонким ледяным покровом, не обеспечивавшим переправу танков и тяжелых орудий. Наступать надо было в промышленном районе с хорошо развитой сетью железных и шоссейных дорог. Величка, Бохня, Новы-Сонч, Ясло, Змигруд Новы были в то время важными промышленными центрами и узлами шоссейных дорог. В районе Горлица и Лиманова добывалась и перерабатывалась нефть. Что же касается Кракова, то он был известен как крупный центр по добыче угля, производству сельскохозяйственных машин, железнодорожных вагонов, мостовых ферм, авто- и авиа-моторов, корпусов для танков, артиллерийских и минометных снарядов.

Противник стремился удержать этот район в своих руках. Поэтому на подступах к нему уже в августе 1944 г. начались оборонительные работы. К декабрю было создано несколько тщательно оборудованных рубежей. Передний край вражеской обороны представлял собой систему сплошных траншей и ходов сообщений с парными окопами и открытыми пулеметными площадками. Главная полоса имела глубину 5—8 км. Для ее усиления неприятель не пожалел мин и проволочных заграждений. Второй оборонительный рубеж тянулся по р. Ропа и далее к Бечу и Горлице, два следующих — по берегам рек Бяла и Дунаец, а последний — по линии Суха, Оселец, Новы-Тарг. Каждый из них был оборудован двумя линиями траншей, противотанковыми рвами и лесными завалами. Кроме того, все города и крупные населенные пункты, станции, узлы дорог, господствующие высоты и мосты гитлеровцы превратили в опорные пункты с круговой обороной. Мосты были подготовлены к взрыву.

Все это было выявлено нашей разведкой и учтено мною при принятии решения о наступлении. Участок прорыва мы выбрали на правом фланге армии. Он имел ширину 6,3 км. Главный удар предстояло нанести в направлении Дембовец и Особица, обходя с юга крупный опорный пункт противника в г. Ясло.

¹ Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 37, л. 123.

Наибольшая трудность при прорыве вражеской обороны состояла в том, что передний край противника находился в 5—6 км восточнее р. Вислока. Нам предстояло не только овладеть передним краем, но и с ходу форсировать Вислоку и упредить противника в занятии рубежа по ее западному берегу. Это обстоятельство также было учтено при разработке плана, так как оно требовало увеличения силы удара первых эшелонов дивизий и своевременного его наращивания вторыми эшелонами.

На участке прорыва, занимавшем по ширине примерно четвертую часть полосы армии, мы сосредоточили почти все свои силы. План составлялся таким образом, чтобы наше превосходство с шестикратного при атаке переднего края обороны вырастало до восьмикратного при развитии боя в глубине. Достигалось это вводом в бой вторых эшелонов дивизий и корпусов к моменту форсирования р. Вислока и имело цель — с максимально возможной быстротой сломить сопротивление противника во всей глубине его обороны, включая позиции на западном берегу реки. Высокий же темп, в свою очередь, нужен был для того, чтобы противник не успел перебросить силы с неатакованных участков и занять ими заранее подготовленные рубежи. Стремительность наступления диктовалась также намерением быстрее продвинуться на правом фланге и нанести поражение врагу, тем самым обезопасив более слабый левый фланг армии.

Хочу подчеркнуть, что в данном случае мы применили классический принцип сосредоточения сил на одном фланге, известный еще со времен войн древней Греции. В годы Великой Отечественной войны в условиях боевых действий миллионных войсковых масс, оснащенных техникой и оружием большой ударной силы, принцип сосредоточения широко применялся советским командованием в межфронтных, фронтных и армейских операциях и всегда давал великолепные результаты. Ярким тому образцом была битва под Сталинградом, где при равенстве сил Советская Армия окружила и затем ликвидировала всю группировку гитлеровских войск. Этот маневр с успехом применялся советскими войсками почти во всех последующих операциях, и немецко-фашистскому командованию так и не удавалось противопоставить ему какие-либо эффективные меры. С течением времени советское командование все смелее шло на риск ослабления одних участков, сосредоточивая войска на других. При этом, конечно, всегда существовала опасность, что враг, упредив нанесение удара, осуществит его сам на ослабленном участке фронта. Но гитлеровское командование ни разу не смогло это сделать.

Пока войска 38-й армии занимались планированием и подготовкой к наступлению, главные силы фронта — 1-я гвардейская и 18-я армии в центре и на левом фланге вели бой в Карпатах с целью выхода на рубеж Бардева, Прешов, Кошице. Наступление, предпринятое в горах, в условиях крайне неблагоприятной погоды, и встретившее ожесточенное сопротивление противника на заблаговременно подготовленном рубеже, дало скромные результаты и в то же время отняло у советских войск много сил. Вот что доносил об этом 26 декабря Верховному Главнокомандующему Военный совет фронта с согласия представителя Ставки Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко: «Наши войска после восемнадцатидневных напряженных лесных боев выдохлись. В данное время имеется настоятельная необходимость влить в части пополнение, укомплектовать материальной частью вооружения, конским составом»².

Такое развитие событий имело серьезное значение и для 38-й армии, так как противник мог перебросить в нашу полосу силы, ранее сосредоточенные против центра и левого фланга фронта. В то же время командование фронтом, временно отказавшись от попытки прорваться через Карпаты, надеялось на успешные действия 38-й армии. Теперь командование фронтом стало считать краковское направление определяющим. Мы это почувствовали уже 22 декабря, когда генерал И. Е. Петров и член Военного совета Л. З. Мехлис присутствовали на совещании командного состава армии. Детально ознакомившись с планом наступления и ходом подготовки, они одобрили наши соображения.

Нужно сказать, что я неоднократно докладывал генералу И. Е. Петрову, что темп наступления может быть значительно увеличен. Теперь же, одоблив план, он согласился и с тем, что мы более чем вдвое сократили установленный планом фронта срок овладения рубежом Новы-Сонч. Он дал ряд дополнительных указаний: запретил поль-

² Архив МО СССР, ф. 244, оп. 3013, л. 52, л. 518-а.

зоваться дорогой от Ясло на запад, проходящей по северному берегу р. Ропа, корпусам указать направление движения дальше рубежа р. Бяла, задачу первого дня операции выполнить силами дивизий первого эшелона армии и, наконец, не вводить танки в бой до форсирования р. Вислока.

26 декабря в упомянутом донесении Верховному Главнокомандующему Военный совет фронта просил утвердить план действий, в котором задача 38-й армии оставалась прежней, но усилия войск центра фронта перенацеливались на северо-запад. Подготовка к наступлению ускорилась.

С согласия командующего фронтом мы могли привлечь к участию в артподготовке и артиллерию 1-го Чехословацкого армейского корпуса, благодаря чему довели количество орудий и минометов (без 82-мм) до 181 ствола на 1 км фронта прорыва. Армия получила для усиления две танковые бригады и самоходно-артиллерийский полк, а ее полоса была уменьшена. Правда, сокращение полосы произошло за счет передачи 1-го Чехословацкого армейского корпуса вместе с обороняемым им участком фронта 1-й гвардейской армии. Это нас огорчило. Не хотелось расставаться с чехословацкими воинами и их командиром. За четыре месяца совместных боевых действий, особенно в период Карпатско-Дуклинской операции, мы вместе пережили столько радостей и тягот, что сблизились, побратались. Все воины Советской Армии с исключительным уважением относились к чехословацкому народу и его воинам. Чехословацкие патриоты первыми сформировали на нашей территории небольшую воинскую часть. Она вступила в бой под Харьковым, в районе Соколово, еще в марте 1943 г. Уже тогда ее воины начали сражение за свободу и независимость своего народа. Многие из них пали смертью храбрых, но на место одного павшего бойца становились десятки других.

Хочу отметить, что большую заботу о чехословацких формированиях проявлял Ставка и лично Верховный Главнокомандующий. Когда в 1943 г. генерал Н. Ф. Ватутин доложил ему, что Л. Свобода обратился к командованию 1-м Украинским фронтом, прося разрешить 1-й чехословацкой бригаде принять участие в Киевской наступательной операции, Верховный Главнокомандующий дал свое согласие. Но одновременно он считал нужным предупредить и Н. Ф. Ватутину и меня, чтобы ей была обеспечена такая помощь, которая исключила бы возможность больших потерь личного состава бригады. И. В. Сталин подчеркнул, что в ней он видит зародыш будущей чехословацкой народной армии. О том же напомнил он маршалу И. С. Коневу и мне накануне Карпатско-Дуклинской операции, когда бригада развернулась в корпус и возникла необходимость ввести его в бой. Мы строго выполняли указания Верховного Главнокомандующего, хотя это было совсем не легко, ибо чехословацкие воины рвались в бой и под Киевом, и под Белой Церковью, и на Карпатах. Трудно было их сдерживать. В боях они и завоевали то величайшее уважение к себе, которое я, как и все воины бывшей 38-й армии, сохранил и поныне.

Меня и генерала Л. Свободу уже тогда связывала прочная дружба. И расставаться было нелегко, но пришлось. 12 января я получил от генерала Л. Свободы следующее письмо, которое дорого мне до сих пор:

«Командующему 38 армией г. генерал-полковнику Москаленко.

Рассказывая с войсками вверенной Вам армии, разрешаю себе от моего имени и от имени солдат и офицеров I ЧАК выразить Вам лично, Военному совету, а также генералам, офицерам и бойцам армии нашу искреннюю благодарность за ту братскую славыянскую помощь и поддержку, которую вы постоянно оказывали нам во время нашей общей боевой деятельности.

Мы горды тем, что удостоились большой чести воевать бок о бок с доблестными войсками 38-й армии на границе нашей родины и мы никогда не забудем, что только благодаря героизму и самопожертвованию войск под Вашим руководством удалось нам вступить с боями на территорию Чехословацкой республики.

Примите, господин генерал, искренние пожелания больших боевых успехов в Вашей дальнейшей деятельности на благо наших народов.

*Командир I ЧАК
генерал Свобода»³.*

³ Архив МО СССР, ф. 393, оп. 9003, д. 10, л. 26.

Прошли десятилетия, но дружбу советского и чехословацкого народов, рожденную в боях и освященную совместно пролитой кровью, не смогло поколебать ничто — ни трудности, ни происки врагов. Она стала еще более прочной, незыблемой, и большой вклад в ее развитие по-прежнему вносит генерал Л. Свобода, ныне президент ЧССР. Тогда, в конце 1944 г., к сожалению, мы расстались с ним в самый разгар подготовки к наступлению.

Подготовка к операции продолжалась до середины января 1945 г. 2 января 1945 г. я получил оперативную директиву фронта, в которой были в определенной мере учтены и наши предложения об ускорении темпа наступления. Впрочем, и теперь штаб фронта проявил осторожность. 38-й армии ставилась задача в течение первого дня операции достичь рубежа Бжисыце, Лазы Дембовецке, Воля Дембовецке, Осек (глубина 8 — 9 км). Выход на рубеж р. Дунаец на участке Чхув, Новы-Сонч и овладение последним требовалось осуществить к исходу шестого — седьмого дня операции⁴. Военный совет и штаб армии пришли к заключению, что, несмотря на увеличение глубины задач по сравнению с прежним планом фронта, требования остались заниженными, так как не предусматривался прорыв тактической зоны обороны противника на всю глубину к исходу первого дня операции. Я в тот же день обратился к командующему фронтом за разрешением оставить войскам армии те задачи, которые содержались в подготовленном нами боевом приказе⁵. Речь вновь шла о том, чтобы на первый день операции определить глубину наступления в 12 км для стрелковых корпусов и 16 км для передовых отрядов. Это обеспечивало прорыв тактической зоны обороны противника и захват передовыми отрядами узлов дорог и населенных пунктов, что позволяло ввести в прорыв подвижную группу и создавало условия для успешных действий ударной группировки на второй день операции. И. Е. Петров после некоторого размышления дал согласие. Войскам были поставлены задачи на первый этап, рассчитанный на три дня. Он должен был завершиться захватом переправ и плацдармов на западном берегу р. Дунаец силами подвижной группы. Последующие задачи пока не ставились, указывалось лишь направление дальнейшего движения войск.

Хорошо справились со своим делом штаб армии и штабы родов войск. Я не рискнул бы сказать это в отношении предыдущих двух операций — Львовско-Сандомирской и особенно Карпатско-Дуклинской. Правда, тогда многие недостатки объяснялись крайней ограниченностью подготовительного периода. В канун же Ясло-Горлицкой операции, когда мы располагали достаточным временем для подготовки, начальник штаба армии генерал-лейтенант В. Ф. Воробьев показал все свои недюжинные способности.

Образцом четкости и высокой организованности была работа оперативного отдела во главе с его начальником полковником Н. Л. Кремниным. Большой объем работы, особенно по маскировке готовящегося наступления, проделал начальник разведывательного отдела штаба армии полковник И. С. Черных. Энергично действовал и начальник политотдела армии генерал-майор Д. И. Ортенберг. Он прибыл в армию в начале февраля 1944 г. с должности главного редактора «Красной звезды» — боевой газеты, пользовавшейся у фронтовиков большой популярностью. С Д. И. Ортенбергом я встречался еще в период обороны Сталинграда, куда он приезжал тогда вместе с К. М. Симоновым.

Войска армии, охваченные высоким наступательным порывом, к середине января были готовы к нанесению сокрушительного удара на своем участке. Изготовились к наступлению и другие армии 4-го Украинского фронта — 1-я гвардейская (командующий генерал-полковник А. А. Гречко) и 18-я (командующий генерал-лейтенант А. И. Гастивич).

38-й армии предстояло взаимодействовать с соединениями 1-го Украинского фронта на краковском направлении. Этот фронт согласно директиве Ставки Верховного Главнокомандования должен был нанести удар главными силами с Сандомирского плацдарма в западном и северо-западном направлениях и во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом разгромить кельце-радомскую группировку противника. 60-й и 54-й армиям 1-го Украинского фронта было приказано обеспечивать действия главной

⁴ Архив МО СССР, ф. 244, оп. 3000, д. 1233, л. 23; оп. 3013, д. 141, л. 90.

⁵ Там же, д. 1106, л. 28, 53.

группировки с юга наступлением на Краков. Им предстояло двигаться с Сандомирского плацдарма вдоль северного берега Вислы. 60-й армии была также поставлена задача прикрыть силами четырех стрелковых дивизий 80-километровый участок к югу от этой реки вплоть до г. Ясло.

Здесь, на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов, начиналась полоса нашей 38-й армии. Учитывая, что и нам нужно было наступать в направлении Кракова, нетрудно понять, насколько важным для взаимодействия являлось строгое согласование сроков нанесения ударов.

1-й Украинский фронт перешел в наступление 12 января 1945 г. Мощным ударом он прорвал оборону противника, разгромил вражеские войска и два дня спустя начал их преследование. Одновременно для отвлечения внимания и сил противника от участка 38-й армии, где 4-й Украинский фронт наносил главный удар, перешла в наступление 18-я армия на кошицком направлении. В тот же день готова была начать прорыв и 38-я армия. Однако командующий фронтом считал нужным передвинуть срок нанесения удара на три дня позднее, что в дальнейшем неблагоприятно отразилось на взаимодействии с правым соседом. Помню, когда мне позвонил начальник штаба 1-го Украинского фронта генерал В. Д. Соколовский и поинтересовался сроком перехода армии в наступление, я ответил, что готов начать его одновременно с их армиями. Лучшим же временем для перехода 38-й армии в наступление, на мой взгляд, было утро следующего дня после атаки правого соседа. Суток было вполне достаточно, чтобы приковать внимание врага к району севернее Вислы и, быть может, даже заставить его перебросить туда часть сил с нашего участка. Более же длительный разрыв мог, по моему мнению, привести к тому, что даже при весьма успешном продвижении наша 38-я армия не успеет достичь Кракова раньше или одновременно с войсками 1-го Украинского фронта. Эти соображения были доложены командующему фронтом. Не сомневаясь в том, что они будут одобрены, я приказал произвести в ночь на 13 января смену дивизий на переднем крае. Но начало наступления все же было перенесено на 15 января.

Первый день принес нам большой успех. Оборона противника была прорвана на 16 км по фронту и на 18 км в глубину, освобождено 49 населенных пунктов, в том числе Дембовец и Осек. Железная и шоссейная дороги из Ясло на запад были перерезаны. Наибольших успехов добился правофланговый 101-й стрелковый корпус под командованием генерал-лейтенанта А. Л. Бондарева. Его 140-я и 70-я гвардейская стрелковые дивизии продвинулись на 5—6 км западнее рубежа, предусмотренного задачей дня. Но для корпуса генерал-лейтенанта А. Л. Бондарева нашлось в тот день еще одно важное дело. Как уже говорилось, мы одновременно приняли меры в отношении опорного пункта противника в г. Ясло, стремясь обойти его с фланга. В частности, 140-я стрелковая дивизия выставила справа для прикрытия свой 258-й стрелковый полк. Теперь, когда она ушла вперед, его предстояло сменить 285-м стрелковым полком 183-й стрелковой дивизии, двигавшейся во втором эшелоне корпуса. Однако ход событий показал, что целесообразней овладеть г. Ясло и тем самым полностью избавиться от угрозы правому флангу и тылу 101-го стрелкового корпуса.

Такое решение я и принял, хотя этот город находился в полосе правого соседа — 60-й армии 1-го Украинского фронта. Вечером 15 января 258-му и 295-му полкам была поставлена задача перейти в наступление — одному с юго-запада, а другому с юго-востока и в ночном бою разгромить гарнизон противника. Утром 16 января г. Ясло был освобожден. При этом отличились также 8-й и 46-й отдельные дивизионы бронепоездов, а также чехословацкие 2-й и 4-й истребительно-противотанковые и 5-й пушечный артиллерийские полки капитана Ивана Паздерки, майора Франтишка Вейта и майора артиллерии Алояса Боцека.

В последующие три дня 38-я армия продолжала стремительное наступление. Противник пытался сдержать нас на промежуточных оборонительных рубежах, оказывая особенно упорное сопротивление на флангах. Гитлеровцы наспех организовывали контратаки и устраивали засады на путях движения наших войск. В бой были брошены все находившиеся поблизости специальные части противника. Одновременно на участок прорыва перебрасывались войска с соседних участков фронта. Все эти «пожарные» мероприятия оказали мало влияния на темп наступления наших войск. Вражеское командование не успевало осуществлять оборонительные мероприятия, так как мы везде упреждали противника. Наступление было не только стремительным, но и непрерыв-

ным. Подразделения и части останавливались только для кратковременного отдыха и питания. Войска армии неудержимо шли все дальше на запад.

По-прежнему лучше всех действовал 101-й стрелковый корпус. Его войска умело взаимодействовали с передовыми отрядами подвижной группы. На всех реках они захватывали мосты, упреждали противника в занятии рубежей обороны. Именно стремительный захват мостов позволил в короткий срок преодолеть три водных рубежа — реки Ропу, Бялу, Дунаец и прорвать заранее подготовленные по их берегам три оборонительных рубежа. Уже в течение 18 января войска армии очистили от неприятеля левый берег р. Дунаец и, продвинувшись на 15 км, освободили свыше 100 населенных пунктов.

Таким образом, задача первого этапа операции была выполнена на два дня раньше намеченного нами срока. Противник был разгромлен и, прикрываясь аррьергардами, поспешно отходил на запад. Результаты наступления превосходили мои и без того оптимистические прогнозы. Но сколь ни было стремительным наше наступление, мы все же никак не могли наверстать то время, которое потеряли, начав операцию лишь 15 января. В результате, как я и ожидал, мы еще только прошли около половины пути до Кракова, а войска левого фланга (59-й армии) и правого фланга (60-й армии) 1-го Украинского фронта, наступавшие с 12 января, уже завязали бои за этот город. Но дело было отнюдь не в том, на долю какой из наших армий выпадет честь освобождения Кракова. Речь шла о другом. Войска противника, продолжавшие обороняться перед левым флангом 60-й армии и обойденные с обоих флангов частями последней, а также нашей армии, под угрозой окружения начали отходить на запад. Замкнуть же кольцо вокруг них нельзя было как раз по той причине, что наступление 60-й и 38-й армий началось неодновременно в результате чего и глубина проникновения во вражескую оборону оказалась неодинаковой. Группировка противника смогла уйти из «мешка», причем отступала она в полосу нашей армии.

В немалой степени притормаживало наше продвижение, особенно на левом фланге, то, что 1-я гвардейская армия по приказу командующего фронтом начала наступление еще на три дня позднее нас.

В результате нам, например, все первые дни операции приходилось выделять много сил, в том числе и значительную часть подвижной группы, для обеспечения левого фланга армии в районе Новы-Сонч. А ведь они могли способствовать еще более стремительному продвижению вперед, если бы наступали на главном направлении. Впоследствии этот пробел был восполнен выдвижением резервов фронта и части сил 1-й гвардейской армии в район ее стыка с нами. Но наверстать упущенное уже не удалось. При всем том операция развивалась успешнее, чем это планировалось.

Наша полоса наступления теперь как бы делилась на две части, резко отличавшиеся одна от другой. В левый ее трети путь нам преграждал горный массив, не имевший дорог на запад. А так как дорога, по которой можно было бы обогнуть этот массив с юга, находилась в полосе 1-й гвардейской армии, то мы обходили его с севера. Горный массив сузил нашу полосу наступления, но потребовал много сил для прикрытия проходов через него с севера на юг вдоль рек Скава, Сола и Бяла (Западная), что было необходимо по двум причинам. С одной стороны, отстала 1-я гвардейская армия, и это было естественно, поскольку она перешла в наступление на три дня позднее нас. С другой же — именно на нашем левом фланге противник предпринимал отчаянные усилия, чтобы задержать наступление войск 38-й армии.

20 января г. Новы-Сонч был освобожден. Рухнули надежды вражеского командования удержанием этого города затормозить наступление ударной группировки армии. Теперь противник стремился поскорее отвести отсюда свои войска, оказавшиеся под угрозой потери тыловых коммуникаций. Но вслед за тем усилилось сопротивление врага в полосе наступления ударной группировки армии. Если в начале операции здесь нам противостояли части двух вражеских дивизий, то теперь к их остаткам присоединились и другие войска. Одни из них отходили из района Тарнув через полосу 38-й армии, другие — из Кракова, освобожденного 19 января. Вот когда мы почувствовали, насколько нам здесь недостает тех войск, которые приходилось держать на левом фланге!

К тому же уменьшилась огневая мощь ударной группировки армии. И не за счет потерь, ибо они были невелики, а в результате удаления от баз снабжения. В зимних условиях и при ограниченном количестве восстановленных дорог это имело немало-

важное значение. Да и часть артиллерии отстала. Лишились мы и огневой поддержки двух дивизионов бронепоездов, которые не могли двигаться вперед без перешивки колес железной дороги, а также гвардейской минометной бригады и гвардейского минометного полка, убывших из армии по распоряжению командующего фронтом. Наконец, еще 18 января из боевых порядков армии были выведены танки 1-го Чехословацкого армейского корпуса. Все это привело к тому, что 21 января наше наступление несколько замедлилось.

Перед нами возникли и новые трудности, связанные с особенностями местности и вновь усиливавшимся сопротивлением врага. Территория между Вислой и Карпатами изобилует болотами, озерами, реками. Среди последних самые большие — Скава, Сола и Бяла. Их заболоченные берега с заранее подготовленными оборонительными рубежами представляли серьезные препятствия. Для защиты указанных рубежей командование 17-й армии противника, уничтоженной в апреле — мае 1944 г. в Крыму и затем вновь сформированной в Карпатах, бросало в бой все, что имело под рукой. Громя довольно многочисленные и отчаянно сопротивлявшиеся войска противника, части нашей армии оттеснили его за р. Бяла, пройдя с боями с 26 по 29 января 35—40 км. По сравнению с темпом наступления в первые дни это было немного, но впереди оказалась еще большая трудность. Войскам армии преградила путь р. Бяла, по обоим берегам которой тянется непрерывная цепь озер. На западном ее берегу противник создал мощный рубеж обороны.

Возникло и еще одно важное обстоятельство, связанное с тем, что наши соседи справа — войска левого крыла 1-го Украинского фронта — к этому времени завершили освобождение Силезского промышленного района и вынуждены были перейти к обороне. Как обстоятельно рассказал И. С. Конев в своих воспоминаниях, его левофланговые войска с честью выполнили поставленную им задачу разгромить силезскую группировку противника, не допустив по возможности разрушения промышленности Силезии врагом⁶. Это потребовало от них осуществить глубокий обход важного промышленного района Польши с северо-запада. Умелый охват гитлеровских войск встречными действиями с запада и востока создал у немецко-фашистского командования впечатление нависшей угрозы окружения всей силезской группировки. И действительно, войскам И. С. Конева оставалось лишь замкнуть кольцо. Но именно это как раз и не входило в планы командующего 1-м Украинским фронтом, так как ожесточенное сопротивление противника, оказавшегося в окружении, несомненно, повлекло бы за собой разрушение Силезского промышленного района, да к тому же и сковало бы крупные силы советских войск. Нелегко было И. С. Коневу отказаться от наиболее активной формы борьбы — окружения и уничтожения врага. А ведь нужно было еще и убедить командармов в том, что следует не замыкать кольцо, а оставить противнику коридор для выхода из «мешка», после чего и разгромить его за пределами промышленного района. Замысел отлично удался. Гитлеровцы, больше всего страшившиеся окружения, весьма проворно кинулись к неожиданно открывшейся перед ними лазейке. Об их поспешном бегстве можно судить, например, по следующим датам: 27 января возникла угроза окружения, а 29 января ни одного подразделения гитлеровских войск уже не было в Силезии. Важный промышленный район Польши был спасен от разрушения.

Можно только поздравить И. С. Конева и возглавлявшиеся им войска с успешным разрешением задачи. Но вытаскивая гитлеровцев из «мешка», он даже не подозревал, насколько это усложнило задачу 38-й армии. Поскольку мы находились поблизости от «ворот», через которые «выскачили» немецко-фашистские войска, избежавшие уничтожения в Силезии, то большая их часть, в том числе и 20-я танковая дивизия, оказалась в нашей полосе и уплотнила боевые порядки противостоявшей нам группировки. Сразу же мы почувствовали вновь возросшее сопротивление врага.

21 января войска 38-й армии продвинулись вперед весьма незначительно. Они в тот день форсировали Вислу и Бялу, но, захватив два небольших плацдарма, не смогли их расширить. Было установлено, что на западном берегу р. Бяла враг имеет заранее подготовленный оборонительный рубеж, занятый войсками. Учитывая то, что

⁶ См. И. С. Конев. Сорок пятый. М., 1966.

и местность была труднопроходимой, следовало ожидать излишних потерь при повторных попытках с ходу прорвать оборону врага. К такому выводу пришли мы с А. А. Епишевым после того, как, побывав во всех корпусах и дивизиях, ознакомились с обстановкой на месте. И решение наше было единодушным: нужна краткая, двухдневная пауза в наступлении, чтобы подтянуть и сосредоточить силы, всесторонне подготовить новый удар по врагу.

За 15 дней наступления 38-я армия во взаимодействии с войсками левого крыла 1-го Украинского фронта прорвала оборону противника и, развивая наступление вдоль северных отрогов Карпат, с ходу преодолела семь крупных рек, упредив противника в занятии заранее подготовленных рубежей обороны. Продвинувшись за это время на 205 км на запад, мы вышли в район г. Бельско-Бяла.

Второй этап операции мы начали 1 февраля. В период двухдневной паузы было установлено, что противник тщательно подготовился к отражению удара. Причем теперь перед нами были не остатки разгромленных на первом этапе частей. На этот раз враг успел свести их в боевые группы и заново вооружить. Большинство же оборонявшихся составляло прибывшее из Германии пополнение. И хотя мы по возможности всесторонне подготовились к прорыву, все же такого превосходства, как перед наступлением 15 января, у нас не было. Утром 1 февраля после 45-минутной артиллерийской подготовки войска армии пошли в атаку. Главный удар был нанесен в центре, в полосе 101-го и 67-го стрелковых корпусов. И поскольку все мосты были взорваны врагом, мы начали наступление прямо с форсирования р. Бяла. Тяжелые бои на захваченных плацдармах продолжались весь этот и следующие дни. Лишь 3 февраля оборона противника была прорвана. Фашистское командование прилагало отчаянные усилия к тому, чтобы сбросить нас с плацдармов и восстановить оборону по р. Бяла. Я непрерывно усиливал войска на плацдарме, и контратаки врага неизменно отбивались, но наше продвижение вперед было незначительным. Гитлеровцы сосредоточивали против плацдарма все более крупные силы, и их контратаки нарастали.

Тогда мы решили подвергнуть оборону противника артиллерийской обработке. Проведенная 7 февраля 45-минутная артподготовка внесла заметные опустошения в боевые порядки врага. Возобновившие вслед за этим наступление наши войска прорвали оборону западнее Чеховице и расширили плацдарм до 20 км по фронту и до 8 км в глубину. Но и после этого сопротивление гитлеровцев не было сломлено. В населенных пунктах бои шли чуть ли не за каждый дом.

Командующий фронтом решил, что для создания решительного перелома в боевых действиях нам нужны дополнительные силы. В связи с этим 10 февраля он передал из своего резерва в состав 38-й армии 95-й стрелковый корпус генерала И. И. Мельникова. Но прорыв обороны врага все же осуществили не свежие дивизии, а правофланговый 101-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта А. Л. Бондарева. Он имел задачу выйти главными силами на рубеж Струмень, Дрогомысль, Охабы. Совершив маневр, корпус сосредоточил свои усилия на правом фланге. Здесь вскоре и обозначился успех.

Форсировав Вислу, мы закрепились на плацдарме и установили тесную локтевую связь с 60-й армией 1-го Украинского фронта. Наш стык больше не разделяла Висла. Это способствовало наступлению 60-й армии и правого фланга 1-й гвардейской армии.

К тому времени задача 4-го Украинского фронта существенно изменилась. В начале операции он своим правым крылом обеспечивал действия войск 1-го Украинского фронта на краковском направлении и западнее. Теперь же, когда главные усилия последних были перенесены в Верхнюю Силезию, а на моравско-остравском направлении решающая роль перешла к правому флангу нашего фронта — 38-й и части сил 1-й гвардейской армий — их действия обеспечивала справа 60-я армия 1-го Украинского фронта.

Усилившееся значение нашего наступления подчеркивалось решением Ставки Верховного Главнокомандования о передаче 4-му Украинскому фронту двух легких горно-стрелковых корпусов и 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала Б. М. Скворцова. Он, как указывалось в распоряжении Ставки от 6 февраля 1945 г., передавался «для использования его на участке 38-й армии»⁷. Правда, этот корпус

⁷ Архив МО СССР, ф. 244, оп. 3000, д. 1233, л. 131.

имел недостаток в материальной части. Особенно давала себя знать нехватка автомашин. Ими корпус был обеспечен лишь на 25% ⁸. Прибытие недостающего количества машин ожидалось только к 20 февраля. Это заставило несколько отсрочить наступление на Моравско-Оставу, хотя до города оставалось всего 50—60 км.

18 февраля 38-я армия по распоряжению командования фронтом перешла к обороне. Ясло-Горлицкая наступательная операция закончилась. Большой вклад в ее осуществление внесла наша армия. Как отмечал в одной из своих статей Маршал Советского Союза А. И. Еременко, сменивший в конце марта 1945 г. на посту командующего 4-м Украинским фронтом И. Е. Петрова, «основную роль в прорыве сыграли войска 38-й армии, действовавшей на правом фланге» ⁹.

В итоге Ясло-Горлицкой операции войска 38-й армии продвинулись по северным отрогам Карпат более чем на 300 км, освободили от немецко-фашистских захватчиков обширные районы южной Польши, вышли в районы верхнего течения Вислы и к Моравско-Оставскому промышленному комплексу Чехословакии, который после потери Силезии играл важнейшую роль в военном производстве фашистской Германии.

* * *

Об укрепленном районе, преграждавшем путь к освобождению не только Моравско-Оставы, но и всей Чехословакии, мы имели довольно общее представление. Однако и этого было достаточно, чтобы понимать: предстояли тяжелые бои. Характер местности был очень удобен для создания оборонительных рубежей. Правда, он благоприятствовал и выбору скрытых подступов к вражеской обороне, однако ограничивал свободу маневра наступающих, особенно танковых и механизированных соединений. Весь этот район изрезан неширокими лощинами и узкими долинами рек и ручьев, а также обрывистыми оврагами, что сильно затрудняет, а местами и вообще исключает движение войск вне дорог. Кроме того, продвижение на запад требовало преодоления р. Одра и ее правых притоков — Остравы и Ольши. Если же еще учесть, что их поймы, особенно последней, сплошь пересекают мелиоративные каналы, то станет очевидна вся сложность рельефа местности, на которой нам предстояло наступать.

Моравско-Оставский район был подготовлен к обороне заблаговременно. Нам было известно, что вдоль чехословацкой границы с Германией и Польшей имелись укрепленные районы с обширной системой долговременных сооружений. Впоследствии, после прорыва вражеской обороны, мы имели возможность увидеть их воочию. И помню, что когда мы вместе с А. А. Епишевым уже в конце апреля 1945 г. осматривали эти сооружения, то пришли к выводу: нам прорывать такую долговременную оборону довелось впервые. Добавлю: в дальнейшем, подробно знакомясь с боевыми действиями наших войск на других фронтах, я обнаружил, что в годы войны с фашистской Германией всего лишь на четырех участках пришлось прорывать мощную долговременную оборону. Одним из них был Карельский перешеек, другим — граница Восточной Пруссии, третьим — Моравско-Оставский район, на пороге которого стояла ранней весной 1945 г. наша 38-я армия и, наконец, под Берлином.

Подходы к Моравско-Оставе с востока прикрывались тремя долговременными оборонительными полосами, проходившими вдоль упомянутых рек Ольша, Остравы и Одра, и одной с севера, на рубеже Троппау (Опава) — Моравско-Острада. Здесь были построены железобетонные доты различных типов: пулеметно-артиллерийские с шестью—восемью амбразурами и пулеметные с шестью, двумя и одной амбразурами. Почти у всех было также по два-три пулеметных колпака, возвышавшихся над землей на 30—50 см. Полоса состояла из четырех линий укреплений. На переднем крае в 500—800 м один от другого располагались шести — восьмиамбразурные канониры, а в промежутках между ними через каждые 150—250 м — двухамбразурные, пулеметные. Огонь из них велся на фланги и в тыл, причем огневая система была построена так, что подавление или уничтожение двух-трех рядом расположенных дотов в целом не нарушало ее. Большие пулеметно-артиллерийские доты, имевшие от шести

⁸ Там же, л. 136.

⁹ А. И. Еременко. Победная весна. — «9 мая 1945 года». Сб. статей. М., 1970, стр. 243.

до восьми амбразур, представляли собой мощные сооружения с 2,5-метровыми боковыми и 3-метровыми фронтальными стенами. Они были вооружены каждый двумя скорострельными 37-мм пушками, двумя спаренными и четырьмя одиночными пулеметами. В них, помимо казематов, имелись жилые комнаты для гарнизонов, вентиляционное и электрооборудование, водоснабжение, канализация, кладовые, телефонная связь. Вмещали такие доты до 100 человек. Малые же, с гарнизоном от четырех до шести человек, вооруженные одним-двумя станковыми пулеметами, являлись как бы дополнением к большим и имели задачу поддерживать их из глубины.

Все эти сооружения были тщательно замаскированы, и на расстоянии их трудно было отличить от множества расположенных вокруг холмов. Соединялись они ходами сообщения. В 75—100 м перед дотами были сооружены контрэскарпы с железобетонными опорными стенками. Их продолжением служили надолбы на бетонном фундаменте. Пространство между дотами и впереди контрэскарпов полностью простреливалось¹⁰.

Эти укрепления были построены в 20—30-х годах под руководством французских инженеров, имевших опыт сооружения линии Мажино. После печально известного Мюнхена укрепленные районы были разоружены. Однако к описываемому моменту немецко-фашистское командование частично восстановило их, чтобы использовать в борьбе с наступающими советскими и чехословацкими войсками.

Гитлеровцы не случайно так основательно укрепили оборону подступов к Моравско-Острове. Это — крупнейший промышленный центр Чехословакии. Он и в предшествующие годы был для фашистской Германии крупной базой производства вооружения. В Моравско-Острове и поблизости от нее располагались десятки заводов металлургической, химической, машиностроительной, нефтеперегонной, электрокабельной и многих других отраслей промышленности, угольные шахты, текстильные и другие фабрики. Здесь гитлеровцы производили большое количество военной продукции. Особое значение этот район приобрел для них к весне 1945 г., когда он оказался одним из немногих промышленных центров, оставшихся в их руках. И гитлеровцы делали все возможное, чтобы удержать его.

Стремление гитлеровцев не допустить сюда советские войска объяснялось также и тем, что они в тот момент вынашивали план использования Чехословакии в качестве козыря в переговорах с англо-американским командованием. Дело в том, что американским войскам, продвигавшимся по территории Германии, предстояло, согласно договоренности между правительствами стран антигитлеровской коалиции, дойти до западной границы Чехословакии и там встретиться с Советской Армией. Фашистская же клика рассчитывала добиться выгод в том случае, если на подступах к Моравско-Острове задержит наше наступление с востока, а на западе откроет американским войскам путь в глубь Чехословакии и тем самым создаст почву для конфликта внутри антигитлеровской коалиции.

О первостепенной роли, отводившейся противником обороне Моравско-Остравского района, можно судить по показаниям пленных, захваченных нами в ходе операции. Так, они утверждали, что в начале марта в Моравско-Остраву приезжал Гитлер. Выступая перед командным составом, он требовал любой ценой удержать этот район и грозил строжайшими карами за отступление. Кроме того, 9 марта 1945 г. по телефону был передан приказ Кейтеля, согласно которому семьи сдавшихся в плен немецких солдат и офицеров подлежали суду. А вот еще два показания. Фельдфебель штрафной роты 1-го танкового корпуса, взятый в плен 12 марта, сообщил: «9 марта я слышал в моей роте речь политофицера, который сказал: мы стоим перед событиями решающей важности, и если Богемия и Моравия не будут удержаны, война проиграна»¹¹. Солдат 473-го пехотного полка 253-й пехотной дивизии рассказал: «4 марта командир дивизии генерал-лейтенант Беккер посетил наш полк и обратился к нам с речью. Он сказал, что от моравско-остравской земли зависит теперь 80% военного производства. Если вы отдадите Моравско-Остраву, говорил он нам, вы отдадите Германию»¹². Все это свидетельствовало о важном военно-политическом значении задачи, встававшей перед 4-м Украинским фронтом.

¹⁰ Архив МО СССР, ф. 244, оп. 3002, д. 56, л. 159.

¹¹ Архив МО СССР, ф. 244, оп. 3000, д. 1317, л. 99.

¹² Там же.

Моравско-Оставская наступательная операция длилась 52 дня. В результате некоторых ошибок, допущенных в подготовительный период, и вследствие чрезвычайно сильной обороны, организованной врагом на железобетонных поясах, операция приняла затяжной характер. Она развивалась не по первоначально составленному плану и потребовала от войск существенных изменений во всем оперативном построении и значительных усилий. Тем не менее в конечном итоге операция имела полный успех: противник потерял важнейший промышленный район, снабжавший немецкую армию военными материалами, и при этом понес большие потери. Оставление города подорвало моральную устойчивость немецких солдат и офицеров группы армий «Центр», что ускорило ее разгром.

30 апреля 1945 г. войска 38-й армии вышли в район, находившийся в непосредственной близости от западных окраин Моравско-Оставы. Труден был путь к этому городу: с целым лесом заводских труб и силуэтами производственных корпусов. Мы видели: большинство труб дымилось, продолжался выпуск смертоносной военной продукции. Для нас это означало одно: быстрее освободить город, лишить гитлеровцев этого, ставшего для них важнейшим, источника получения оружия, разгромить действующую здесь вражескую группировку. Теперь, когда позади были все многочисленные долговременные рубежи обороны и мы приблизились вплотную к заводам и жилым корпусам Моравско-Оставы, ничто не могло нас остановить.

В тот же день войска 38-й армии прорвали последнюю полосу обороны противника и во взаимодействии с 1-й гвардейской армией, форсировавшей р. Одра севернее города, овладели Моравско-Оставой. Вражеские войска, прикрываясь сильными арьергардами, начали общий отход в западном направлении. В боях на подступах к городу и на улицах плечом к плечу с советскими воинами вела бои и 1-я танковая бригада из состава 1-го Чехословацкого армейского корпуса. Командовал ею отважный сын своей родины Владимир Янко. Чехословацкие танкисты самоотверженно сражались за свободу и независимость страны. Многих они не досчитались в своих рядах на трудном пути к Моравско-Оставе. Среди павших смертью храбрых был и 23-летний офицер-танкист Стефан Вайда. На его счету было 20 подбитых вражеских танков. 21-й он уничтожил у самого города, на одерском плацдарме. Стефан Вайда посмертно удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Радостная встреча чехословацких и советских воинов-освободителей населением Моравско-Оставы вновь продемонстрировала братство и дружбу советского и чехословацкого народов. В городе еще шел жестокий бой. Гремела артиллерия, наши танки и автоматчики громили врага. Не утихали ожесточенные бои в воздухе. Но ни град пуль, ни взрывы снарядов и бомб не смогли удержать жителей, выбегавших из домов и подвалов навстречу воинам-освободителям. Они несли им ранние цветы и сохранившиеся от прошлого урожая фрукты, спешили утолить жажду разгоряченных боем солдат. Это была неповторимая картина единения, самозабвенной дружбы представителей двух народов, охваченных общими чувствами ненависти к врагу и радости близкой победы.

Когда же город был полностью освобожден, все его население вышло на улицы. Повсюду царил ликование. Каждый житель стремился пожать руки советским воинам, выразить свою благодарность, сказать теплое и ласковое слово. Весь город с искренней скорбью хоронил воинов, погибших при его освобождении, и этого тоже никогда не забыть. Растроганные братской встречей, радующиеся новой победе, воины нашей армии вместе со всеми войсками фронта готовились к последнему броску на запад, к Праге.

В дни, когда мы завершали Моравско-Оставскую наступательную операцию, скользя и громя крупную вражескую группировку в Чехословакии, действовавшие справа от нас войска 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов развернули мощное наступление на Берлин. Могучие удары трех фронтов под командованием Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского привели к тому, что Берлин 25 апреля оказался в кольце наших войск. Одновременно была отсечена и окружена в лесах юго-западнее Франкфурта-на-Одере 200-тысячная группировка противника. В тот же день на р. Эльбе советские войска соединились с наступающими с запада частями 1-й американской армии. А еще пять дней спустя, 30 апреля, воины Советской Армии, штурмовавшие Берлин, водрузили над рейхстагом Знамя Победы. Стремительно наступали и действовавшие слева от нас войска 2-го и 3-го Укра-

инских фронтов Маршалов Советского Союза Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина. Разгромив противостоявшего врага, они еще 13 апреля овладели столицей Австрии — Веной. Таким образом, справа и слева от нас линия фронта продвинулась значительно западнее, чем на пражском направлении.

Здесь сказались уже отмеченные выше весьма благоприятные для оборонявшегося противника условия местности в полосе наступления 4-го Украинского фронта в сочетании с наличием у врага крупных сил. Немецко-фашистское командование сосредоточило в Чехословакии главные силы 4-й танковой, 17-ю и 1-ю танковую армии, насчитывавшие 62 дивизии¹³. Среди них наиболее сильной и многочисленной была 1-я танковая армия, оборонявшаяся в полосе 4-го Украинского фронта. Особенностью всей этой группировки было то, что она состояла из кадровых, а не из наспех сформированных дивизий. И пополнение они получали соответствующее. В частности, их не «разбавляли» батальонами фольксштурма (здесь было лишь несколько таких батальонов), в то время как на других направлениях насчитывались сотни малобоеспособных формирований. Гитлеровцы создавали в горах Чехословакии и Австрии мощный оборонительный бастион, надеясь выстоять там до момента, когда антигитлеровская коалиция распадется. Но и тут враг просчитался. В значительной мере тому способствовало успешное завершение Моравско-Оставской наступательной операции, в результате которой противник лишился крупного промышленного района и важных стратегических позиций.

После падения Берлина, соединения Советской Армии с войсками наших западных союзников на р. Эльбе и разделения фашистской Германии на две изолированные части можно было ожидать общей капитуляции немецко-фашистских войск. Однако этого не произошло. Находившаяся в Чехословакии крупная группировка немецко-фашистских войск, возглавляемая Шернером, в первые дни мая 1945 г. по-прежнему сопротивлялась нашим наступающим армиям. Для ускорения капитуляции требовалось разгромить группировку противника в Чехословакии. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования в конце апреля и в первых числах мая 1945 г. разработала план освобождения страны. Замысел состоял в том, чтобы наряду с 4-м и 2-м Украинскими фронтами повернуть на Прагу после завершения Берлинской операции также и 1-й Украинский фронт. Принимая это решение, Верховное Главнокомандование учитывало необходимость как скорейшего освобождения всей Чехословакии, так и полной ликвидации оставшейся на ее территории самой крупной в то время вражеской группировки. Войска трех фронтов получили задачу совместными действиями сломить сопротивление немецко-фашистских войск, воспрепятствовать их отходу на запад и, окружив, заставить капитулировать. Начало этой последней стратегической операции Советской Армии на советско-германском фронте намечалось на 7 мая.

Задача 4-го Украинского фронта состояла в завершении разгрома противостоявших войск противника и в стремительном наступлении на Прагу. Для осуществления этого требовалось овладеть г. Оломоуц. Он являлся единственным пунктом в болотистой пойме р. Морава, где можно было перерезать пути отхода вражеской группировки, находившейся в «мешке», и выйти на Чешское плато.

Кратчайшим путем на Оломоуц в полосе фронта были так называемые Моравские ворота — узкая долина вдоль русел Одры и Бечовы. Но этот путь, как и следовало ожидать, был сильно укреплен противником. Он оказал упорное сопротивление войскам 38-й армии. Если на других участках враг отходил, прикрываясь арьергардами, то Моравские ворота он стремился удержать для того, чтобы вывести из-под удара свои войска в Оломоуцком выступе, вытянувшемся на восток.

В создавшейся обстановке предпочтительнее оказался иной путь на Оломоуц и Прагу — через Судетские горы, хотя и не столь удобный, но зато менее укрепленный. Там, в полосе 60-й и на правом фланге нашей 38-й армии, командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии А. И. Еременко и решил нанести удар в обход Оломоуца с северо-востока.

В те дни чехословацкий народ, воодушевленный успешным наступлением Советской Армии, активизировал борьбу против захватчиков, за свободную демократическую Чехословакию. В Праге вспыхнуло народное восстание. Гитлеровцы бросили

¹³ См. «За освобождение Чехословакии». М., 1965, стр. 210.

крупные силы на разгром восставших. Положение пражан стало критическим. Они зывали о помощи. Во имя спасения Праги и ее населения, которому гитлеровцы угрожали беспощадной расправой, Ставка перенесла начало операции на 6 мая. Войска трех фронтов с разных направлений начали концентрическое наступление на Прагу. Ломая оборону врага, стремительно двигались вперед армии 1-го Украинского фронта под командованием маршала И. С. Конева. Этот фронт обладал наиболее крупными силами, в том числе двумя танковыми армиями, и под его ударами противник поспешно откатывался, неся тяжелые потери.

Успешно проходило и наступление войск нашего фронта. Оно не прекращалось и в дни после освобождения Моравско-Остравы, но особенно резкий поворот в их действиях наступил 6 мая, после того как была завершена перегруппировка сил на правое крыло фронта из 1-й гвардейской и 18-й армий. Несмотря на трудные условия лесистых Судетских гор и дождливую погоду, войска фронта безостановочно наступали, продвигаясь ежедневно по 20—30 км. Противник пытался организовать сопротивление, особенно у Оломоуца, где было сосредоточено до 14 дивизий, в том числе 8-я танковая, переброшенная из полосы 2-го Украинского фронта. Наши войска сломили сопротивление врага и 6 мая завязали бои на северо-восточной окраине Оломоуца.

В тот день мы узнали, что в Праге началось восстание против гитлеровцев, а вскоре услышали по радио призыв повстанцев: «...Советскому Союзу, 4-й Украинский фронт... Срочно просим помощи — парашютную поддержку. Высадка в Праге...» Это заставило подумать о немедленных мерах по оказанию помощи повстанцам. Парашютных войск, которых ждали от нас пражане, в составе фронта не было. А. И. Еременко приказал мне сформировать подвижную группу и послать ее в Прагу, используя прорыв вражеского фронта в районе Оломоуца. Я отдал соответствующий приказ командиру 101-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанту А. Л. Бондареву, который должен был сформировать подвижную группу и руководить ее действиями. Приказ гласил:

«Восставшим населением освобожден от немцев г. Прага. Немецкое командование, по данным пражского радио, оттягивает в р-н г. Прага воинские части для подавления восстания. На основании указаний командующего войсками фронта приказываю:

1. Сформировать подвижную группу в составе 70 гв. сд (без тылов), 42 гв. тбр, 5 гв. тбр, 1 очтбр, 1511 сап 5 гмп (артчасти особым указанием) и автополка фронта в составе 200 автомашин под общим командованием командира 101 ск генерал-лейтенанта Бондарева. Заместителем командира подвижной группы по танкам назначить начальника БТ и МВ армии подполковника Зудова.

2. Подвижной группе к 6.00 7.5.45 сосредоточиться в Вигштадтль, Чирм, где погрузиться на автомашины с общей готовностью к выступлению в 8.00 7.5.45 г.

Маршрут следования подвижной группы: Вигштадтль, Чирм, Швеенсдорф, Рауд, Шенвальд, Штадт Либод, Домштадтль, Гибау, Весна, Оломоуц и далее Мюглиц, Моравска-Трюбау, Цвиттад, Поличка, Здырец, Часлов, Кутна-Гора, Прага. Иметь в виду при отсутствии возможности быстрого прохождения Оломоуц, переправить группу в районе Седличко.

Г. Прага подвижной группе достигнуть не позже исхода дня 9.5.45 г.

3. Главной задачей подвижной группы является быстрейший выход в район г. Прага. Действия группы должны быть решительными, продвижение смелое и энергичное. Возможные очаги сопротивления противника обходить, используя густую сеть шоссированных дорог вблизи основного маршрута.

Иметь в виду действия подвижной группы 60 А на Прагу правее оси движения подвижной группы 38 А...

5. Связь со штабом армии осуществлять по радио и самолетами связи, для чего начальнику связи придать группе две мощные радиостанции и три самолета...

7. Вслед за подвижной группой в ваше распоряжение следует 140 сд.

Командарм К. Москаленко

Член ВС Ф. Олейник

НШ Генерал-лейтенант В. Воробьев¹⁴.

¹⁴ Архив МО СССР, ф. 393, оп. 9005, д. 280, кор. 4891, л. 23, 24.

Тем временем бои за Оломоуц продолжались. Разгром противника и овладение этим городом по замыслу Ставки возлагались на правофланговые армии 4-го и 2-го Украинских фронтов, которые должны были нанести одновременный удар с севера и юга. Первыми туда прорвались левофланговые дивизии 60-й армии генерала П. А. Курочкина. Вслед за ними на восточной окраине начал бои за город 11-й стрелковый корпус нашей армии. Почти двое суток шли упорные бои.

В целом события разворачивались не так, как было предусмотрено планом. Войска 2-го Украинского фронта не успели подойти с юга и не замкнули своевременно кольцо вокруг всей действовавшей там вражеской группировки. Тем не менее значительная ее часть, находившаяся в «мешке» и теснимая с трех сторон, подверглась разгрому. Только ее остаткам — без тяжелого вооружения, транспорта и тылов — удалось уйти через заболоченную пойму Моравы, южнее Оломоуца. Организовать сопротивление на Чешском плато враг был уже не в состоянии. Войска фронта начали стремительное наступление на Прагу.

Так обстояло дело к исходу 7 мая. В ночь на 8 мая пришла волнующая весть: в г. Реймсе был подписан предварительный протокол о военной капитуляции германских войск. Штаб фронта приказал мне и другим командирам выслать от каждой дивизии парламентаров для вручения ультиматума командованию 1-й немецкой танковой армии и входивших в ее состав соединений. Образец ультиматума был передан из штаба фронта. Его подписывали командиры корпусов и дивизий и через парламентаров вручали командованию противостоявших вражеских частей и соединений. Но вражеское командование отклонило ультиматум и продолжало отводить войска на запад, оказывая ожесточенное сопротивление нашим наступающим армиям. Противник взрывал мосты и портил дороги, уничтожал собственную артиллерию, танки, самолеты и склады — все, что не мог взять с собой в своем поспешном отступлении. В то же время, выполняя приказ Шернера, гитлеровцы обрушились на Прагу, чтобы потопить в крови народное восстание.

Все это происходило в момент, когда фашистская Германия уже была повержена, а представители ее главного командования ожидали назначенного часа для подписания в Берлине акта капитуляции перед Верховным командованием Советского Союза, США, Англии и Франции. Советское Верховное командование отдало приказ войскам 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов ускорить ликвидацию отказывавшейся сложить оружие вражеской группировки в Чехословакии и спасти Прагу от уничтожения.

8 мая был разгромлен штаб группы армий «Центр», что оказало существенное влияние на ход событий. Генерал-фельдмаршал Шернер потерял управление войсками и, бросив их, бежал на запад. Отступление гитлеровцев превратилось в беспорядочное бегство. Наши войска продвигались, однако, быстрее противника, постепенно окружая всю его группировку. Кольцо вокруг нее должно было замкнуться в районе Праги. Туда и устремились подвижные войска трех фронтов. В полосе 1-го Украинского фронта впереди наступали 3-я и 2-я гвардейские танковые армии генералов П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко; в полосе 2-го Украинского — 6-я гвардейская танковая армия генерала А. Г. Кравченко, имевшая задачу обойти Прагу с юго-востока.

4-й Украинский фронт не имел танковой армии, поэтому у нас были сформированы подвижные группы, получившие задачу на форсированное движение к Праге. Одна из них, как уже упоминалось, была создана 6 мая в 38-й армии, а другая, фронтовая, была сформирована согласно приказу А. И. Еременко 2 мая, т. е. в период планирования и подготовки Пражской наступательной операции. Во фронтовую группу, которой руководил заместитель командующего фронтом генерал Г. Ф. Захаров, были включены стрелковая дивизия на машинах, танковая бригада, разведывательная моторизованная рота фронта и автомобильный полк.

Утром 8 мая, когда в северной части Оломоуца еще шли бои, с его центральной площади мы отправляли подвижную группу армии в стремительный рейд на Прагу. Чтобы проводить ее, прибыли командующий фронтом А. И. Еременко, я и А. А. Епишев. Прощаясь с А. И. Бондаревым, как всегда спокойным и решительным, я вновь подумал, что он лучше других подходит для роли командира подвижной группы с такой ответственной задачей. «Обходить, только обходить очаги сопротивления, — еще раз напомнил я Бондареву, — ни в коем случае не ввязываться в бои, безостановочно двигаться к Праге, помнить, что для ее спасения дорога каждая минута».

Май 1945 г. Население Чехословакии встречает советских воинов-освободителей

В тот день войска 38-й армии стремительно наступали во всей своей полосе. Также успешно продвигались слева от нас войска 1-й гвардейской армии генерал-полковника А. А. Гречко и 18-й армии генерал-лейтенанта А. И. Гастиловича, а справа войска 60-й армии генерал-полковника П. А. Курочкина.

Выслушивая доклады об успешном наступлении войск армии, я ловил себя на том, что неотступно продолжаю думать о действиях подвижной группы генерала А. Л. Бондарева. Они становились теперь главным звеном в выполнении задачи, поставленной нашей армией. И потому не следовало ли мне находиться вместе с подвижной группой? Когда я заговорил об этом с А. А. Епишевым, оказалось, что так думал и он. Решили обратиться за советом к командующему фронтом. Он разрешил мне возглавить подвижную группу армии. Одновременно мы договорились, что, если связь будет прервана, он на следующий день, 9 мая, вышлет к нам самолет. Согласовали и координаты места посадки самолета на восточной окраине Праги. И вот приблизительно через два часа после проводов подвижной группы вдогонку за ней отправился я. Вместе со мной был и А. А. Епишев. Сопровождала нас небольшая охрана.

Не успели мы проехать по шоссе и 40—45 км, как догнали части подвижной группы. Выяснилось, что ее движение застопорилось в районе крупного населенного пункта Литовель. Засевшие там гитлеровцы открыли массированный артиллерийский огонь по передовому отряду и вывели из строя несколько наших танков и автомашин. Я распорядился вывести части из боя. Им было приказано обойти Литовель по грунтовым дорогам и продолжать движение на Мюглиц, Моравска-Трюбау, Цвиттау. Но так как на этот маневр требовалось некоторое время, а у нас на счету была каждая минута, то тут же был сформирован новый передовой отряд из стрелковых и танковых частей, не связанных боем. Он без промедления двинулся вперед, прокладывая путь всей подвижной группе. По дороге мы обгоняли колонны пеших немецких солдат, танков и самоходных орудий, а также обозы и колонны автомашин с войсками и имуществом. Всех их потом останавливали и разоружали главные силы армии.

Надо ли говорить о том, каким воодушевлением были охвачены наши воины! По радио к нам доносились новые призывы из Праги: «Мы ждем Красную Армию. Немцы, нарушив акт о капитуляции, бросили против нас танки и авиацию. Праге грозит уничтожение. Идите к нам на помощь немедленно, повторяем — немедленно!»

И мы, подобно всем советским воинам, устремившимся тогда с разных направлений к столице Чехословакии, шли на предельных скоростях, с одной мыслью: «Быстрее, быстрее достичь Праги, спасти ее от фашистских варваров!»

Сумерки еще не успели сгуститься, когда мы выехали на шоссе, соединяющее г. Пиллаву с Прагой. Здесь произошла наша встреча с передовым отрядом 5-го гвардейского танкового корпуса 6-й гвардейской танковой армии из состава 2-го Украинского фронта. (Этот корпус под командованием А. Г. Кравченко действовал в составе 1-й гвардейской армии, которой я командовал под Сталинградом.)

Встреченный нами отряд почему-то приостановил движение. Командир корпуса, которого мы увидели в районе г. Часлов, сообщил, что имеет задачу наступать через Капи и Чески-Брод на Прагу, но вынужден дожидаться рассвета. Такое решение было вызвано тем, что, во-первых, передовой отряд корпуса встретил сопротивление гитлеровцев, а, во-вторых, у многих машин фары за время боевых действий оказались разбитыми, что затрудняло движение ночью. Как на грех, выяснилось, что и в нашей колонне были машины с поврежденной осветительной системой. Что делать? Неужели ждать рассвета? Но ведь если передовой отряд 6-й гвардейской танковой армии встретил сопротивление врага, то и подвижная группа нашего фронта, наступающая севернее, очевидно, ведет бой с противником, который задерживает ее движение. Следовательно, пока что успешно продвигается к Праге с востока только наша колонна, и мы обязаны продолжать наступление в любых условиях, чтобы прийти на помощь столице Чехословакии. Мы решили, что дорогу будут освещать машины с исправными фарами, а за ними, чередуясь, пойдут те, у которых освещение было повреждено. Благодаря этому мы смогли продолжать движение, хотя и несколько медленнее, чем днем.

9 мая передовой отряд подвижной группы 38-й армии вступил в Прагу. Недалеко от центра города навстречу нам вышли 3—4 танка. Оказалось, что они принадлежали 63-й гвардейской танковой бригаде 4-й гвардейской танковой армии, которая одновременно с 3-й гвардейской танковой армией рано утром с запада вступила в столицу Чехословакии. В 13 часов дня достигли столицы Чехословакии передовые части 6-й гвардейской танковой армии 2-го Украинского фронта¹⁵, а через несколько часов и подвижная группа нашего фронта, возглавляемая генералом Г. Ф. Захаровым.

Население Праги восторженно встречало советских воинов. Тротуары быстро заполнились ликующими людьми. И почти у каждого цветы. Ими забрасывались наши танки и машины с солдатами. Некоторые жители, особенно женщины и дети, с помощью бойцов взбирались на танки и ехали по улицам. Восторженно пражане встретили танковую бригаду 1-го Чехословацкого армейского корпуса.

В отзыве о ее действиях в последние дни войны командующий БТ и МВ 38-й армии писал следующее: «После освобождения города Моравско-Острава в ночь с 7 на 8 мая 1945 года бригада получила задачу, действуя в составе подвижной группы войск армии, к исходу 9.5.45 г. выйти в район Прага... После освобождения г. Оломоуц бригаде предстояло совершить трехсоткилометровый марш...»¹⁶.

После освобождения Праги, где соединились войска трех Украинских фронтов, вражеская группа армий «Центр» оказалась в кольце. Теперь задача состояла в быстрейшем ее пленении. В связи с этим войска 4-го Украинского фронта продолжали выдвигаться в назначенные им районы и вместе с армиями двух других фронтов завершали ликвидацию окруженной группировки. Эта задача была в основном осуществлена к исходу 11 мая, а 19 мая закончилась ликвидация последних мелких групп противника, пытавшихся проникнуть через линию расположения советских войск в Южную Германию и Австрию.

Уже в Праге 9 мая мы узнали, что минувшей ночью в Берлине представители советского, американского, английского и французского командования приняли безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии. Трудно передать словами царившие 9 и 10 мая в столице Чехословакии восторг и ликование. На пражских улицах еще догорали последние пожары. А весна, победная весна 1945 г., уже вступила в город полноправной хозяйкой. Радостный, шумный, разноязыкий говор советских и чехо-

¹⁵ Архив МО СССР, ф. 393, оп. 5179, д. 82, л. 18.

¹⁶ Там же, ф. 393, оп. 9027, д. 105, л. 132.

словацких воинов, жителей Праги, только что избавленных от ужасов фашизма, музыка и песни, несущиеся со всех сторон, создавали на улицах, площадях и в парках необычную праздничную атмосферу.

Запомнился грандиозный митинг в Праге, на который вместе с советскими и чехословацкими воинами собрались десятки тысяч жителей столицы и ближайших населенных пунктов. Повсюду цветы и счастливые улыбки. Волнующие речи К. Готвальда, З. Фирлингера, Л. Свободы, командующих фронтами и других советских и чехословацких участников митинга. А в заключение — не менее грандиозное народное гулянье, затянувшееся до поздней ночи. Героями дня, естественно, были советские и чехословацкие солдаты, офицеры, генералы. Вокруг них собирались толпы празднично одетых жителей. Их обнимали, дарили цветы, от души угощали всем, что было лучшего.

Да, наконец-то она пришла — Победа! Нелегко досталась нам она. Война потребовала от советского народа мобилизации всех его духовных и материальных сил.

Незабываемым событием был парад Победы 24 июня 1945 г. на Красной площади. Для этой цели в Москву были вызваны лучшие воины всех фронтов и родов войск. Наш фронт выделил для участия в этом параде сводный полк в составе 1440 солдат и 25 офицеров и генералов. Полк имел три батальона пехоты, по одному — артиллеристов, танкистов и летчиков, один — саперов и связистов. Каждый батальон возглавлял генерал — командир дивизии.

Сводный полк 4-го Украинского фронта прибыл в Москву, имея при себе 36 боевых знамен наиболее отличившихся соединений и частей. Немалая часть этих знамен принадлежала войскам 38-й армии. Привезены были также захваченные нами в боях знамена разгромленного противника. Сводным полком командовал лучший на нашем фронте командир 101-го стрелкового корпуса 38-й армии генерал-лейтенант А. Л. Бондарев, о котором я уже рассказывал. Заместителем командира по политчасти был генерал-майор Л. И. Брежнев, назначенный сразу после разгрома германского фашизма начальником Политуправления 4-го Украинского фронта.

За всю войну я всего лишь один раз был в Москве (в октябре 1942 г.), да и то менее суток. Тогда наша столица выглядела сурово и настороженно, действовал режим светомаскировки, во всем чувствовался напряженный ритм жизни огромного города, ставшего штабом и арсеналом борьбы с захватчиками. Совсем иной увидел я Москву в июне 1945 г. — торжественно-праздничную, ярко освещенную по вечерам электрическими огнями. В облике москвичей, отражавшем настрой всей нашей огромной страны, озабоченность периода войны сменилась искрящейся радостью и гордостью в связи с одержанной Победой.

Парад на Красной площади вылился в великое торжество советского оружия, в демонстрацию мощи социалистического государства. Один за другим торжественным маршем проходили сводные полки фронтов. В их рядах были лучшие из лучших, и об этом говорили ордена и медали на их груди. Так, в сводном полку 4-го Украинского фронта было 77 Героев Советского Союза.

Впереди нашего полка шел командующий фронтом генерал армии А. И. Еременко, за ним, в одной шеренге, командармы А. А. Гречко, В. Н. Жданов, П. А. Курочкин, А. И. Гастилевич, автор этих строк, затем — командование сводного полка.

...Шли дни, теперь уже мирные. Войска 38-й армии после окончания боевых действий сосредоточились восточнее Праги, а штаб — в Кутна-Гора. После отдыха и возвращения участников парада Победы из Москвы, в начале июля 1945 г., войска армии начали марш на Родину. Мы вновь проходили по земле братских нам Чехословакии и Польши, освобожденных нашими воинами и обильно политых их кровью. Здесь оставались дорогие сердцу могилы многих из тех, кто не дожид до победных залпов, прозвучавших в Москве 9 мая. Мы склоняли знамена над этими могилами, прощаясь с павшими боевыми товарищами, чей подвиг во имя спасения человечества от фашизма никогда не померкнет.

